

УДК 94 (517)

БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Batunaeveduard@mail.ru)

СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ ХАЛХИН-ГОЛА ДО ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена советско-монгольским отношениям в 1930–1945 гг. В связи с агрессивной политикой и милитаристскими планами Японии на Дальнем Востоке и в Азии единственным гарантом безопасности Монголии стал СССР, который согласно договору о взаимопомощи от 1936 г. оказывал ей военную, экономическую и дипломатическую помощь. Сражение на Халхин-Голе в 1939 г. стало кульминацией противостояния на восточноазиатском пространстве, в ходе которого советско-монгольским войскам удалось отразить нападение Японии. На Ялтинской конференции 1945 г., благодаря решительной и последовательной позиции СССР, был окончательно решен вопрос о суверенитете Монголии.

Ключевые слова: СССР, Монголия, Япония, статус-кво, сражение на р. Халхин-Гол, Коминтерн, суверенитет, советско-монгольские отношения, Ялтинская конференция

В силу своего территориального положения Монголия оказалась в центре геополитических интересов великих мировых держав и, прежде всего, своих соседей — России и Китая. Совокупность проблем и противоречий политического, экономического и военного характера, связанных с провозглашением и созданием в первой половине XX в. независимой Монголии, обусловила появление монгольского вопроса, суть которого заключалась в определении международно-правового статуса Монгольского государства и его границ. Как известно, решение этого вопроса в тех исторических условиях зависело в первую очередь от могущественных соседей — России и Китая, а также в определенной степени затрагивало интересы и других великих держав — Японии, США, Англии, Франции, Германии. Эти государства в своем большинстве поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения монгольского правительства установить дипломатические и торговые отношения.

На внешнюю политику МНР оказывал также влияние японский фактор, особенно проявившийся в 1930-е гг. в связи с обострением японо-китайских отношений, агрессией против Китая, захватом Маньчжурии и образованием на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-Го. Осуществив мощную модернизацию всех экономических и политических структур, Япония к концу XIX в. превратилась в крупного регионального игрока, способного влиять на международную политику на Дальнем Востоке. Обоснованием экспансии и агрессивной политики Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе послужила идеология паназиатизма, согласно которой японские военные круги видели свою главную цель в создании Великой Восточной Азии при ведущей роли Японии. Их захватнические планы нашли отражение в меморандуме известного японского генерала Танаки Гиити. Меморандум содержал подробную программу военно-политической экспансии Японии в Азии и, в частности, в отношении МНР. В японских правительственных кругах понимали, что прямой захват Монголии вызовет не только отрицательную реакцию Москвы, но и волну японофобии в Китае и в мире. Поэтому идею создания «автономного буфера» из МНР, Внутренней Монголии и части Маньчжурии Токио рассматривал как пер-

спективную цель, реализация которой будет преподнесена мировой общественности как инициатива самих монгольских князей и лам [История Монголии... 2007: 134].

В начале 1920–30-х гг. СССР и Коминтерн расценивали Монголию как удобный коридор для распространения революционных идей на Восток, прежде всего в Китай. Монголия во внешней политике в 1930–1940-е гг. придерживалась курса на сближение с СССР, связывая с ним гарантии своей государственной независимости. В то же время Монголия проводила и свою собственную политику по объединению всех монгольских территорий – Внутренней Монголии, Барги, Тувы – в одно единое государство.

В связи с агрессивными планами Японии в советской внешней политике был взят курс на укрепление обороноспособности страны, где монгольское направление играло важную роль. В сложившихся условиях для Монголии наиболее реалистической линией и в плане сохранения государственности, и в плане поддержания национальной безопасности был курс на дальнейшее военно-экономическое сближение с СССР [Лузянин 2000: 172]. Таким образом, заключительный период формирования оси «Москва – Улан-Батор» пришелся на середину 1930-х гг. 27 ноября 1934 г. стороны договорились о заключении джентльменского (устного) соглашения, предусматривающего в случае нападения на одну из договаривающихся сторон поддержку и оказание помощи, в т.ч. военной.

Военно-дипломатическая обстановка накануне Халхин-Гола складывалась под влиянием двух обстоятельств: во-первых, Япония стремилась получить в лице МНР выгодный плацдарм на границах с Советским Союзом в рамках реализации японской стратегии создания «конфедерации азиатских народов» под руководством Японии; во-вторых, требовала разрешения сама пограничная проблема. Из-за неопределенности границ и спорных зон между Маньчжоу-Го и Монголией происходили постоянные провокации и приграничные вооруженные столкновения. Следует отметить, что эти территории издавна были контактной зоной многочисленных кочевых племен, поэтому границы носили условный характер.

Монголо-маньчжурские конференции по урегулированию конфликта на приграничной территории, проходившие в 1935–1937 гг., не дали результатов из-за неспособности сторон найти компромисс по ряду ключевых вопросов. Условия пограничного разграничения и требования, выдвинутые японской стороной, были настолько неприемлемыми для советской стороны, что это привело, в конце концов, к срыву дипломатических переговоров. С подписанием антикоминтерновского пакта 1936 г., направленного против СССР, угроза со стороны Японии значительно возросла. Одна из антикоминтерновских целей состояла в том, чтобы ослабить советское влияние во Внешней Монголии и Китае. В этих условиях в 1936 г. был подписан протокол о взаимопомощи между СССР и Монголией¹.

По советско-монгольскому протоколу о взаимопомощи СССР выступал в качестве гаранта безопасности и верного союзника Монголии. В связи с заключением протокола о взаимной помощи между МНР и СССР правительство Китая обратилось к правительству СССР с протестом, заявив, что, «поскольку Внешняя Монголия является неотъемлемой частью Китайской Республики, ни одно иностранное государство не должно заключать с ней какое-либо соглашение. Советское правительство, в свою очередь, считало, что не нарушает суверенные права Китая в отношении Монголии, поскольку договор носит сугубо оборонительный характер. Китай не мог оказать какое-либо существенное дав-

¹ Советско-монгольские отношения. 1921–1974: документы (под ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндоржа). М.: Международные отношения. 1979. Т. 2. Ч. 1. С. 53.

ление на СССР в виду того, что находился в сложных внешнеполитических условиях из-за оккупации Японией, кроме того, Китайская народная армия получала военную помощь со стороны СССР.

Одной из высших точек восточноазиатского противостояния стал конфликт на р. Халхин-Гол. В российской и зарубежной историографии в разные годы давались самые разные характеристики этих военных событий: «пограничный конфликт», «военный конфликт», «военный инцидент», «военные действия», «боевые действия», «необъявленная война», «война на Халхин-Голе», «Номонханский конфликт» [Кузьмин 2014: 47]. Долгое время халхин-гольские события оставались в тени основных сражений Великой Отечественной войны. Но несмотря на локальный характер, сражение на Халхин-Голе вылилось в масштабную пробу сил, проверку боеспособности Квантунской и Красной армий, чему стороны придавали большое политическое значение, демонстрируя мощь своих вооруженных сил перед потенциальными союзниками в преддверии мировой войны.

Как видим, победа советско-монгольских войск на р. Халхин-Гол в 1939 г. повлияла на решение японского командования повернуть агрессию на юг, в район Тихого океана. Следует отметить, что в японской и американской историографии события на р. Халхин-Гол принято называть локальным инцидентом у г. Номон-Хан. Японские ученые в своих исследованиях возлагают одинаковую ответственность на СССР и на Квантунскую армию за войну на Халхин-Голе. Здесь проявился полководческий талант прославленного маршала Г.К. Жукова, использовавшего в ходе боевых действий тактические и стратегические новации. Из воспоминаний Г.К. Жукова: «Все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба» [Маршал Советского... 1973: 165].

Конфликт на реке Халхин-Гол однозначно продемонстрировал слабость японской армии в случае широкомасштабного вооруженного конфликта с хорошо подготовленным и вооруженным противником. Потери японцев составили около 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, значительное количество другой боевой техники и военного имущества. Потери советско-монгольской стороны составили более 18,5 тыс. ранеными и убитыми, причем усилиями врачей возвращены в строй 76% раненых [История Великой... 1960: 219]. По мнению Л.В. Кураса, «подавляющая часть современных ученых России и Монголии рассматривают вооруженный конфликт у р. Халхин-Гол не только как конфликт, в основе которого лежали многолетние серьезные противоречия между Россией и Японией на Дальнем Востоке, а, прежде всего, как предтечу Второй мировой войны» [Курас 2014: 146].

Таким образом, конфликт на р. Халхин-Гол стал высшей точкой военного противостояния в Азии, который показал верность СССР союзническому долгу в отстаивании независимости Монголии. Победа на Халхин-Голе в очередной раз подтвердила прочность советско-монгольского военно-политического союза и эффективность его стратегии национальной безопасности на Дальнем Востоке.

22 июня 1941 г. на совместном заседании Президиума ЦК МНРП, Малого хурала и Совета министров МНР было резко осуждено нападение Германии на Советский Союз. Согласно протоколу от 1936 г. о взаимной помощи президиум совместного заседания обратился к монгольскому народу с просьбой оказать посильную помощь советскому народу. В конце декабря 1942 г. возглавлявший делегацию МНР маршал Х. Чойболсан передал фронту четыре эшелона с подарками. Затем правительство МНР перечислило Советскому Союзу 2,5 млн тугриков, 300 кг чистого золота, 100 тыс. долл. США. На эти средства, в частности, были построены 53 танка, из них 32 танка Т-34, на бортах которых стояли слав-

ные имена Сухэ-Батора и других героев Монгольской Народной Республики. Кроме танков, советским военно-воздушным силам была передана авиационная эскадрилья «Монгольский арат». Она вошла в состав 2-го Оршанского гвардейского авиационного полка. В течение войны из Монголии было поставлено более 500 тыс. лошадей [Лузянин 2000: 214].

Ключевые события в международных отношениях МНР в годы Второй мировой войны были сопряжены с процессом правового оформления монгольской государственности и завершением длительного периода борьбы монгольского народа за международное признание, продолжавшейся фактически с 1911 г. Перелом наступил в 1940-х гг. и был связан, прежде всего, с поддержкой и дипломатической деятельностью СССР на международной арене.

8 февраля 1945 г. в ходе начавшейся Ялтинской конференции великих держав И.В. Сталин на одной из встреч спросил у Ф. Рузвельта, что тот думает о сохранении статус-кво во Внешней Монголии. Рузвельт ответил, что еще не говорил с Чан Кайши, но думает, «что статус-кво во Внешней Монголии должен быть сохранен» [Лузянин 2000: 214]. 11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления в войну с Японией, первым из которых было сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР). В период заключения ялтинских договоренностей 30 июня 1945 г. в Москву прибывает китайская правительственная делегация во главе с премьер-министром Сун Цзывэнем. Монгольский вопрос стал на переговорах одним из центральных. Однако все попытки поставить вопрос о включении МНР в состав Китая были пресечены заявлением И.В. Сталина: «...в случае, если не будет обсуждаться декларация о независимости Внешней Монголии, то мы не будем обсуждать и другие вопросы. Тогда давайте прервем переговоры» [Лхагва 1991: 85].

Тем самым советское руководство дало понять китайской делегации, что СССР не вступит в войну против Японии без признания Китаем независимости МНР. А Пекин был крайне заинтересован, чтобы СССР вступил в войну и освободил Маньчжурию и некоторые другие территории Китая от японской оккупации. В итоге китайская сторона вынуждена была отступить, и переговоры сдвинулись с мертвой точки. 14 августа 1945 г. состоялся обмен нотами между внешнеполитическими ведомствами Китая и СССР о признании независимости Монголии [Белов 2003: 49].

Параллельно с советско-китайскими переговорами по инициативе советского правительства состоялся визит председателя Народного совета министров МНР Х. Чойболсана в Москву, где состоялась его встреча со Сталиным. Основной вопрос, обсуждавшийся в ходе беседы, – советско-китайские переговоры о вступлении в войну с Японией. Выслушав проект декларации СССР и Китая о признании МНР независимым государством и другие документы, Х. Чойболсан сказал: «Да, это то, что мы хотим, но дружбы и дружественного сотрудничества с китайцами у нас не будет. Это очень плохой народ... Они продолжают притеснять монгол во Внутренней Монголии, Алашане, Ордосе. Я хорошо понял смысл декларации. Мы как независимое государство предъявим свой счет китайцам. Мы расскажем всему миру, как они издевались над нами, как они продолжают издеваться над монголами, которые остались у них» [Лузянин 2000: 215].

Следует отметить, что Х. Чойболсан до последнего момента надеялся, что И.В. Сталин окажет помощь в объединении «двух Монголий» в единое Монгольское государство. Но, видимо, это не входило в планы Сталина и его представления о единой Монголии. С другой стороны, СССР не хотел портить отношения с Китаем из-за Монголии, т.к. после победы коммунистов во главе с Мао Цзэдуном в дальнейшем рассчитывал на сотрудничество в рамках единого социалистического лагеря.

В ходе состоявшегося 20 октября 1945 г. всенародного плебисцита по вопросу государственной независимости 100% населения Монголии проголосовали за суверенитет. Закончилась более чем двадцатилетняя борьба за оформление государственного отделения Монголии, однако в официальных кругах и среди китайской общественности еще долго муссировался вопрос о Монголии, якобы отторгнутой путем тайного сговора держав в Ялте за спиной Китая или путем выхода за рамки ялтинских соглашений [Гарушянц 1997: 120].

В последний раз попытку пересмотреть итоги Ялтинского соглашения в отношении Монголии в свою пользу китайская делегация во главе с председателем КПК Мао Цзэдуном предприняла в 1949 г. во время двухмесячного визита в Москву. Одним из проблемных вопросов, поднятых на переговорах, был статус Монголии. Китайская сторона подчеркивала, что речь идет о Внешней Монголии. Мао Цзэдун продолжал настаивать на объединении Внешней и Внутренней Монголии и образовании единой монгольской автономии в составе КНР [Цыбенов 2015: 69]. Все предложения китайской стороны об объединении Внешней и Внутренней Монголии на правах автономии в составе КНР были отклонены. Таким образом, Монголия прошла сложный и долгий путь борьбы за государственную независимость, занявший практически четверть века. Именно благодаря последовательной и принципиальной поддержке СССР Монголия окончательно стала суверенным государством, а в 1961 г. стала полноправным членом ООН.

Список литературы

Белов Е.А. 2003. Решающий период борьбы за независимость. – *Азия и Африка*. № 11. С. 45-49.

Гарушянц Ю.М. 1997. Борьба за признание независимости Монголии. – *Проблемы Дальнего Востока*. №2. С. 112-123.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. 1960. Т. 1. М.: Воениздат. 750 с.

История Монголии. XX век (под ред. Р.Б. Рыбакова, Г.С. Яскина). 2007. М.: Ин-т востоковедения РАН. 448 с.

Кузьмин Ю.В. 2014. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май-сентябрь) – начало Второй мировой войны: новая историческая версия. – *Вестник международного центра азиатских исследований*. Вып. 19. Материалы международной научной конференции «Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции». Иркутск. С. 45-65.

Курас Л.В. 2014. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе). – *Власть*. № 9. С. 143-147.

Лузянин С.Г. 2000. *Россия–Монголия–Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: Институт Дальнего Востока РАН. 268 с.

Лхагва Т. 1991. Что же думал Сталин о монголах? – *Проблемы Дальнего Востока*. № 3. С. 85-90.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. 1973. М.: Изд-во АПН. Т. 1. 567 с.

Цыбенов Б.Д. 2015. Монголия: от статус-кво до юридического признания. – *Известия Восточного Института*. № 3(27). С. 64-72.

BATUNAEV Eduard Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Research Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (6 Sakhyanovoy St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Batunaeveduard@mail.ru)

SOVIET-MONGOLIAN RELATIONS FROM NOMONHAN INCIDENT TO THE YALTA CONFERENCE

Abstract. *The article is devoted to Soviet-Mongolian relations in 1930–1945. In connection with Japan's aggressive policy and militaristic plans in the Far East and Asia, the only guarantor of Mongolia's security was the USSR, which, according to the mutual assistance agreement of 1936, provided military, economic and diplomatic assistance for Mongolia. The Nomonhan Incident in 1939 during which the Soviet-Mongolian forces managed to repel the attack of Japan, was the culmination of the confrontation in the East Asian space. At the Yalta Conference of 1945, thanks to the resolute and consistent position of the USSR, the question of the sovereignty of Mongolia was finally resolved.*

Keywords: USSR, Mongolia, Japan, status quo, Nomonhan Incident, Comintern, sovereignty, Soviet-Mongolian relations

САРАН Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а, asaran1958@yandex.ru)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СССР В 1920–1930-х гг.

Аннотация. В статье анализируется правовое положение общественных организаций в СССР, дается сравнение периодов 1920-х и 1930-х гг. Рассматриваются различные определения понятия «общественная организация»; анализируются формирование и эволюция правовой базы деятельности общественных организаций, а также система партийно-государственного контроля над ними. Автор делает вывод о наличии элементов гражданского общества в СССР в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: власть, гражданское общество, общественные организации, право, ВКП(б)

Гражданское общество и наличие его атрибутов, в частности независимых в своей деятельности общественных организаций различного уровня и направлений деятельности, в современных условиях является показателем правовой, политической, экономической и социальной зрелости государства, а также одним из факторов его прогресса. Взаимоотношения общественных организаций с государством, непосредственно проявляющиеся в коммуникативной функции между сотрудниками административного аппарата и общественно-политическими организациями [Слатинов, Меркулова 2015: 36], тем не менее, во многом определяются состоянием законодательной среды в стране, которая определяет в т.ч. и такой важный показатель, как устойчивость социальных объединений [Кулькова 2015: 186]. Также ряд исследователей отмечают, что большая часть общественных организаций ориентирована на развитие социально-культурной деятельности [Мироненко, Гашин 2014: 232].

С теоретической точки зрения место общественных организаций в социуме определяется функционально. Согласно теории секторов, которая в 1939 г. была предложена американским экономистом Хомером Хойтом (*Homer Hoyt*) для анализа экономических проблем города, но вполне применима и при решении